

Марина Куропаткина

Тайны смертей русских

ПОЭТОВ

Криминальные истории

Марина Куропаткина

Тайны смертей русских поэтов

«ВЕЧЕ»

Куропаткина М. В.

Тайны смертей русских поэтов / М. В. Куропаткина — «ВЕЧЕ»,
— (Криминальные истории)

Книга рассказывает о последних днях жизни и подробностях смерти некоторых знаменитых русских и советских поэтов. Приводятся новые, малоизвестные факты, проливающие свет на обстоятельства гибели Пушкина, Блока, Гумилёва, Есенина, Маяковского, Высоцкого, Талькова и др.

© Куропаткина М. В.

© ВЕЧЕ

Содержание

Введение	5
Иван Семёнович Барков.	6
Антон Антонович Дельвиг.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Куропаткина

Тайны смертей русских поэтов

Введение

*Кто кончил жизнь трагически – тот истинный поэт,
А если в точный срок – так в полной мере.*

Эпиграфом к этой вступительной статье стали строки из стихотворения В. С. Высоцкого. Он часто задумывался о том, что в России многие поэты заканчивают свою жизнь трагически, умирая при этом молодыми. Наиболее талантливые мастера слова – А. С. Пушкин, С. А. Есенин, В. В. Маяковский – ушли из жизни, не дожив до 40 лет. И сам Высоцкий предчувствовал свою раннюю кончину.

Однако дело не только в том, что поэты умирают молодыми, но и в том, что их смерть нередко таинственна, непонятна, окружена недомолвками, и разобраться в ее причинах зачастую бывает очень непросто. По самым различным причинам обстоятельства гибели поэтов долгое время скрывались или их близкими, или по решению правоохранительных органов.

Но все же разобраться в обстоятельствах гибели того или иного поэта можно. Для этого необходимо изучить не только его последние дни, но и всю жизнь, так как именно в образе жизни, восприятии мира, как правило, кроется причина ранней гибели. Нередко поэты даже предчувствуют свой конец, что отражается и в их творчестве.

И не нужно в раннем уходе поэта непременно видеть трагедию. Ведь поэт – человек, который не может жить спокойно, не может просто теплиться, как лампадка, он должен пылать, как факел, освещая мир вокруг, помогая увидеть его и другим людям. И если он сознательно идет на это, его не останавливает мысль о том, что можно сгореть раньше других, при этом, возможно, сделав чью-то жизнь светлее. Поэтому поэты не молчат, а кричат о своих чувствах, независимо от того, какие они: любовь или ненависть, горе или радость, веселье или грусть, вкладывая в свое творчество всю душу без остатка.

Трагедия в другом – в том, что нередко поэты умирают насильственной смертью. И причиной этого нередко является их творчество, которое кому-то кажется опасным.

Эта книга – попытка разобраться в судьбах некоторых известных и любимых в России поэтов, в том, как складывалась их судьба, что стало причиной их гибели. Жизнь многих из них интересна и легендарна, однако действительность зачастую удивительнее некоторых легенд.

Иван Семёнович Барков. **«Жил грешно, и умер смешно...»**

Иван Барков по праву считается одним из самых выдающихся поэтов России, хотя прославился он не теми произведениями, которые можно читать в школе или институте, наслаждаясь красивым слогом и идеально подобранными метафорами, а такими, которые обычно читают тайком.

Стихи Баркова поражают удивительным сочетанием сарказма, грубости и сквернословия. Во времена жизни поэта его произведения так и назывались – «срамные вирши». При жизни Барков был популярен в определенных кругах и терпимо воспринимался в других, но когда в России книгопечатание стало свободным, все изменилось – его практически забыли, так как вниманию читателей были предложены другие, более интересные и удобочитаемые произведения других авторов.

Однако литература вечна, и во все времена находились желающие ознакомиться с работами скандально известного Баркова, тем не менее в 1991 году российские читатели были все еще вынуждены ограничиваться прочтением ксерокопий текстов сомнительного достоинства и качества, но к началу 1992 года произведения Баркова стали печататься в таких солидных изданиях, как «Литературное обозрение» (выпустившее номер с откровенным эротическим содержанием, с Барковым в качестве центральной фигуры), «Библиотека», «Звезды», «Девичья игрушка», «Ладомир» и т. д.

Первые официально изданные стихи Баркова были почти моментально раскуплены. Но если для филологов, историков и поклонников необычного вольного жанра они были интересны сами по себе, то большинство читателей, как правило, смогло одолеть всего лишь по несколько произведений Баркова, сквернословность и однообразие которых порой угнетают.

Ценители срамных опусов были немало разочарованы, не обнаружив в изданиях поэмы о Луке Мудищеве, которая к тому времени уже была широко известна. Мало кто знает о том, что это знаменитое произведение на самом деле вышло из-под пера не Баркова, а одного из его почитателей и пародистов. Поэма была написана через несколько десятков лет после смерти поэта.

Талант Баркова уникален прежде всего тем, что он развился в совершенно неподходящих для этого условиях. Чтобы убедиться в этом, можно просмотреть его биографию, которая с точки зрения многих известных писателей, настолько не соответствует проявлениям его поэтического дара, что такое сочетание кажется в высшей степени парадоксальным.

Иван Семёнович Барков родился в 1732 году в семье петербургского священника. Пока мальчик был маленьким, он часто бывал в церкви, с интересом изучая иконы и молитвенники. Очаровательный малыш пользовался безусловной любовью прихожан, которые периодически подсовывали ему сладости и игрушки.

Когда маленький Иван немного подрос, его отправили на обучение в Александро-Невскую семинарию. Так поступали со всеми сыновьями лиц, имеющих духовное звание. В семинарии мальчик проявил себя как старательный, но непоседливый ученик. У него были и друзья, и враги, но в целом жизнь Ивана протекала спокойно.

Все изменилось весной 1748 года, когда в семинарию приехали И. А. Браун и М. В. Ломоносов. Эти ученые отбирали ребят для приема в Академию. Руководители семинарии отказались направить Баркова для сдачи отборочного экзамена, поэтому молодой человек отважился без разрешения явиться к Михаилу Васильевичу и лично попросить его об испытаниях. Дерзкий и шустрый юноша необычайно понравился Ломоносову, и тот охотно разрешил пареньку пройти экзаменацию, после которой написал в канцелярию Академии: «Сего Апреля 24 дня

приходил ко мне из Александровской Семинарии ученик Иван Барков и объявил... что весьма желает быть студентом при Академии Наук, и для того просил меня, чтоб я его экзаменовал. И по его желанию говорил я с ним по латине и задавал переводить с латинского на российский язык, из чего я усмотрел, что он имеет острое понятие и латинской язык столько знает, что профессорския лекции разумеет может... При том объявил он, что учиться в школе Пиитике, и что он попов сын, от роду имеет 16 лет, а от вступления в Семинарию пятой год...». При этом ученый уверенно предполагал, что Барков и «в науках от других отменить себя может».

Четверых успешно сдавших отборочный экзамен семинаристов официально приняли в Академию. Их документы сдали в академическую канцелярию, которой было постановлено: «... написать их в академический список и обучаться им некоторое время в Гимназии, ибо оные от профессоров принимать лекции не гораздо еще в хорошем состоянии. Жалованья им производить по 3 руб. 50 коп. на месяц из положенной суммы на академических учеников».

Во время обучения в Академии Иван Барков был одним из самых старательных учеников. Юноша с огромным удовольствием изучал гуманитарные науки. Он учился на курсе красноречия и поэтики, который преподавал И. Э. Фишер, посещал лекции В. К. Третьяковского, где познавал секреты стихосложения, с огромным энтузиазмом изучал работы авторов эпохи Античности и делал многочисленные переводы научных и религиозных текстов.

Тем не менее, несмотря на успехи в учебе, Иван Барков не был в числе любимчиков преподавателей, поскольку отличался крайне независимым и буйным нравом, который не считал необходимым скрывать от окружающих. Дисциплину Барков считал ненужной и ущемляющей его свободу. Один из преподавателей студента по этому поводу сказал, что молодой Иван «средних обычаев, но больше склонен к худым делам».

Но это еще не все. Барков, словно презирая свое церковное воспитание, начал регулярно напиваться, буйствовать в пьяном виде, драться и скандалить.

В 1751 году терпение ректора Академии С. П. Крашенинникова было подвергнуто жестокому испытанию. Как он сам позднее докладывал в канцелярию, Барков, уйдя без разрешения из Академии, явился домой к Крашенинникову и «с крайнею наглостию и невежеством учинил ему прегрубые и предосадные выговоры с угрозами, будто он его напрасно штрафует». Взбешенный поведением студента, ректор вызвал военный караул и быть бы пьяному студенту поротым, но в его затуманенном алкоголем мозгу вспыхнула оригинальная мысль. Повиснув на руках солдат, он во все горло заорал: «Слово и дело!». Этими поистине волшебными словами он дал понять, что имеет некоторые сведения о заговоре против трона. Излишне осведомленного школяра быстренько повязали и немедленно доставили «куда следует».

Перепуганный студент, попав в лапы государственных дознавателей, быстро убедился в том, что неуместные шутки могут обернуться тюрьмой, а то и каторгой. Барков моментально решил покаяться, что и сделал с большой артистичностью и подкупающей искренностью. Раздраженные следователи буквально пинками выгнали проштрафившегося студента на улицу и погрозили напоследок при повторении инцидента отдать юношу в матросы.

Шло время. Перепуганный Барков вел себя идеально даже на взыскательный взгляд Крашенинникова, но уже через год забыл обо всех обещаниях и дал себе волю. Во время одного из своих загулов он стал зачинщиком скандала и был наконец-то высечен, по выражению ректора, «за пьянство и за ссору в ночное время». Терпение Крашенинникова наконец-то лопнуло, и он с особым удовольствием в 1751 году вышвырнул Баркова из Академии.

Однако корректор Академии Алексей Барсов выразил несогласие с решением ректора и написал в канцелярию горячее и чрезвычайно жалостливое послание, где говорил, что Барков находится «в трезвом уме и состоянии и о прежних своих продерзостях сильно сожалеет». Служащие канцелярии сжалились над вовремя раскаявшимся студентом-недоучкой и отправили его набираться знаний в типографию при Академии. Поскольку Барков ранее проявил себя умным и талантливым студентом, ему позволили продолжить обучение под личным руко-

водством С. П. Крашенинникова, а также заниматься на уроках немецкого и французского языков.

Между тем финансовые дела Баркова шли все хуже и хуже. Ему не хватало денег не только на водку, но и на приобретение предметов первой необходимости. Озабоченный Барков решил найти себе хорошо оплачиваемую работу. Он попросил перевести его из типографии на работу в канцелярию Академии. Понимая, что служащие канцелярии никоим образом не захотят видеть в своих рядах пьяницу и скандалиста, он решил уповать на жалость официальных лиц, и в своем прошении прочувствованно написал: «А понеже в убогом моем нынешнем состоянии определенным мне жалованьем, которого годовой оклад состоит токмо в тритцати шести рублях, содержать себя никоим почти образом не можно, ибо как пищею и платьем, так и квартиры нанять чем не имею...»

Как и предполагалось, канцелярия сжалилась над предприимчивым юнцом и постановила: «...оному ученику Баркову быть впредь до усмотрения в Канцелярии Академии Наук для переписки на бело случающихся дел, нежели он худые свои проступки оставит и в порученном ему деле явится прилежен, то без прибавки жалованья оставлен не будет...»

Так желание Баркова наконец было исполнено. Крашенинников, окончательно избавившись от беспокойного подопечного, вздохнул с облегчением.

Новые обязанности Ивана, занимающего должность копииста, не показались ему обременительными, скорее наоборот. Уверовавший в свою полную безнаказанность, Иван расслабился и опять пустился во все тяжкие. Его очередная эскапада закончилась арестом и громким скандалом. Теперь власти на полном серьезе собрались отдать нашкодившего буяна в матросы, но... судьба, а в данном случае канцелярия, опять сжалилась, постановив: «Понеже ученик Иван Барков за продерзости ево содержится при канцелярии под караулом, а ныне он в вино-стях своих признается и впредь обещает поступать добропорядочно... да и для наступающего праздника Стыя Пасхи, из-под караула его свободить». А вот следующие строки постановления могли удивить кого угодно: «...и к производимому ево нынешнему жалованью к 36-ти рублям прибавить ему еще четырнадцать рублей...» Однако руководство канцелярии все же разумно решило подстраховаться и вписало в постановление предостережение, где говорилось о том, что если Барков будет повторять свои «продерзости», он «непрерменно отослан будет в матросскую вечную службу».

Прочитав постановление, Иван не на шутку задумался. Бросить пить и куролесить представлялось ему делом решительно невозможным, однако следить за собой получше было совершенно необходимо. Поэтому обеспокоенный Барков решил вплотную заняться работой, чтобы как можно больше занять свое время. И опять судьба пошла ему навстречу – у него появилась возможность поближе познакомиться с М. В. Ломоносовым, к которому чаще всего посылали молодого человека для снятия копий и переписки документов.

Ломоносов, уже давно упрашивающий Академию выделить ему помощника «для употребления по бумажным делам», искренне обрадовался присланному канцелярией Баркову. Тот, решивший стать идеальным переписчиком и панически боявшийся ссылки на корабль, некоторое время вел себя более чем прилично. Он не дерзил, послушно выполнял все распоряжения ученого и терпеливо избегал скандальных ситуаций. Ломоносов не мог нарадоваться на столь старательного и послушного подопечного, о чем незамедлительно сообщил в канцелярию, сопроводив записку благодарностью. Чиновники, немало удивленные таким поворотом событий, недоуменно жали плечами и оставили все как есть.

В этот период Иван старательно переписал «Древнюю российскую историю», написанную самим Ломоносовым, и всю «Российскую грамматику», а также скопировал Радзивилловскую летопись Нестора. На первый взгляд скучноватый процесс переписывания летописей и документов был для Баркова очень увлекательным в основном по причине того, что его работа

сопровождалась красочными, эмоциональными и подробными комментариями Ломоносова, охотно занимавшегося с бывшим студентом.

При помощи Михаила Васильевича Барков приобрел ценный опыт исторического исследования и обширные знания по источниковедению. Чтобы скомпоновать свои новые знания, Иван самостоятельно написал свою первую научную работу, которая называлась «Краткая российская история». Она вышла в 1762 году и была высоко оценена Г. Ф. Миллером, который написал и опубликовал свою рецензию в известном научном журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах».

Миллер по достоинству оценил работу И. С. Баркова, сказав, что собранные, проанализированные и предложенные им факты гораздо более точные, чем приведенные в работе Вольтера «Истории Российской империи при Петре Великом».

Однако из-за сотрудничества с Ломоносовым Барков был все же вынужден расстаться с мечтой о прекращении практики длительных и частых запоев. Несмотря на впечатляющую репутацию и невероятный ум Ломоносова, этот ученый, так же как и Барков, с удовольствием потреблял спиртные напитки, а пребывая в сильном подпитии, выражался откровенно и неприлично. Достоверно известен факт, что Ломоносов однажды при встрече с И. Д. Шумахером, «сложив неприлично перста», демонстрировал собеседнику кукиш, сопровождая свой крайне недипломатичный жест сакраментальной фразой: «Накось, выкуси!»

Ломоносов нередко ругался со своими противниками-поэтами и, не выбирая выражений, говорил о них самые неприятные вещи, даже не догадываясь о том, что молодой Барков, слушая его, находил оправдание и собственному вульгарному поведению. Однако не только общение с Ломоносовым и попытки обуздать собственную бунтарскую натуру занимали много времени у Баркова. Вдохновленный очередной речью своего наставника, он вскоре решился взяться за Радзивилловскую летопись. Ее срочно требовалось отредактировать и подготовить к печати. Впрочем, она уже была хорошо знакома Ивану, поскольку ранее он переписывал ее по просьбе Ломоносова.

Академия планировала издать российские летописи для того, чтобы ознакомить с ними не только научные круги, но и более широкий и менее просвещенный круг читателей. Полный энтузиазма Барков проводил долгие часы, склонясь над рукописными страницами так хорошо ему знакомого научного труда. К сожалению, работой руководил не он сам, а И. И. Тауберт, поэтому Ивану приходилось точно выполнять все указания своего непосредственного начальника. Тауберт приказал Баркову исправить в тексте все непонятные выражения и слова, адаптировать к новым требованиям орфографию и заполнить имеющиеся в летописях пробелы сведениями из других исторических документов.

Радзивилловская летопись была издана в 1767 году, уже после ухода Баркова с работы при Академии. Эта научная популяризованная работа была во многом неточна, в основном из-за бесконечных поправок, внесенных Таубертом, но оказала большое влияние на мировоззрение широкой публики. Она позволяла всем желающим ознакомиться с отечественной историей и подготовила россиян к восприятию других публикаций исторических и научных рукописей.

В 1762 году Барков сочинил оду, посвященную дню рождения Петра III. Сразу после этого Ивана, по протекции Ломоносова, назначили в Академию переводчиком. Из-под его пера вышли художественные переводы произведений Горация, текстов речей Марка Аврелия, басен Эзопа и т. д.

Впервые попробовал себя в поэтическом жанре Барков еще в студенческие годы, однако никому свои произведения не показывал. Дело в том, что ему совершенно не нравилось писать произведения в одическом жанре, который наиболее ценился его современниками. Стихи Баркова, по мнению общественности, являлись ярким примером реализма эпохи классицизма. Они сочетали в себе уличную вульгарность и высокий стиль. Н. И. Новиков, который некоторое время общался с необычным поэтом, называл Баркова «человеком острым и отважным».

Он же с гордостью отмечал, что Иван написал большое количество «невозможных в печати целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты... все сии стихотворения у многих хранятся рукописными».

Необходимо отметить, что произведения Баркова стали пользоваться популярностью у читателей определенного круга не потому, что представляли собой оригинальное, ранее неизвестное поэтическое решение. Вероятно, что здесь важную роль сыграла поддержка Ломоносова, который с энтузиазмом воспринимал все начинания автора. Сатиры Баркова вызывали особое восхищение знаменитого ученого, особенно сатира, в которой высмеивался давний соперник Ломоносова В. К. Тредиаковский.

Известно, что так называемые непечатные произведения Ивана Баркова негласно одобрялись Ломоносовым. Более того, исследователи уверены, что именно благодаря такому колоссу науки, как Ломоносов, Барков стал основоположником «порнографического стиля».

О популярности Баркова можно судить не только по официальным отзывам о его творчестве, но и по многим байкам и анекдотам, которые пользовались огромной популярностью у народа. Эти юмористические рассказы с удовольствием обыгрывались авторами мемуаров достаточно влиятельных лиц XIX века. И если верить им, Барков был человеком самого «веселого и беспечного нрава».

Например, известно, что писатель А. П. Сумароков был очень высокого мнения о Баркове, как об ученом и литературном критике, а потому нередко просил его высказать мнение об очередном своем сочинении. По воспоминаниям одного из современников Баркова, в изложении современного автора Сергея Макеева обычно это выглядело следующим образом: «Барков пришел однажды к Сумарокову. “Сумароков великий человек! Сумароков первый русский стихотворец!” – сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: “Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец – я, второй Ломоносов, а ты только что третий”. Сумароков чуть его не зарезал...»

Современники Баркова считали поэта крайне распутным. В народе была распространена легенда, что у Баркова было свое имение, куда он часто привозил подруг и собутыльников. Барков был пьяницей, но великолепным любовником, и именно он стал прообразом знаменитого Луки Мудищева.

Так же в некоторых мемуарах, написанных современниками Баркова, встречалась такая история: однажды Барков сочинил неприличные стихи про Григория Орлова и императрицу Екатерину. Оповещенная императрица рассердилась, велела привести к ней автора позорных виршей, закрылась с ним в спальне и велела охране никого не впускать. На исходе третьих суток Барков на подгибающихся ногах и без штанов вышел от императрицы, а вскоре был награжден графским титулом. Насколько достоверна эта история, не известно, но сплетники с большим удовольствием обсуждали ее при любой возможности, придумывая все новые и новые подробности.

Однако, по всей видимости, большинство шалостей и хулиганств, приписываемых Баркову – не более чем легенды. Достоверных сведений о жизни Баркова, не приукрашенной народными байками, известно крайне мало. Как уже было сказано выше, Михаил Васильевич Ломоносов на протяжении десяти лет открыто поощрял Баркова и покровительствовал ему. Со смертью Ломоносова звезда Баркова начала постепенно закатываться.

Руководство Академии и других официальных учреждений перестало снисходительно наблюдать за деятельностью грубого хамоватого поэта. Лишенный поддержки покровителя, Барков был изгнан с должности, занимаемой в Академии, что лишило его возможности зарабатывать себе на жизнь.

Некоторое время он жил в бедности, граничащей с нищетой, но тем не менее продолжал писать. Казалось, что чем больше поэт голодал, тем более язвительными и меткими становились его сатиры и пародии.

Как и у многих выдающихся людей, у Баркова имелись не только враги, доброжелатели, но и подражатели. Однако, несмотря на все усилия последних, никто так и не смог повторить в своем творчестве свойственное Баркову необычное сочетание непринужденного изящества и откровенной грубости.

В 1763 году Барков занимался переводом басен Федра и сатир Горация. Он также написал «Житие князя Антиоха Дмитриевича Кантемира», которое впоследствии приложил к своим «Сатирам». Стих Баркова был на удивление легким и гладким. В этом поэт очень походил на Сумарокова и Ломоносова. Однако слава его нашла только после издания его «срамных» стихов, о которых митрополит Евгений Болохвитинов отзывался с крайним осуждением и презрением.

Грубые стихи Баркова оказались в то время столь популярными, что для их обозначения был даже придуман особый термин – их стали называть «барковщина». В свое время Пушкин говорил, что Барков является одним из первых российских поэтов, отказавшихся от архаического стиля и начавших писать оригинальным народным живым языком.

Если внимательнее изучить дошедшие до настоящего времени произведения Баркова, их можно условно разделить на две группы: печатную и непечатную.

К печатной группе произведений относятся ода Петру III «На всерадостный день рождения», «Сокращение универсальной истории Гольберга», «Житие князя А. Дмитриевича Кантемира», стихотворные переводы с итальянского «Мир героев», «Федра, Августова отпущенника, нравоучительные басни», «Квинта Горация Флакка Сатиры или Беседы». Эти работы Баркова были хороши для его современников и возможно, для исследователей нашего времени, однако не они принесли славу поэту.

Превосходным примером печатных произведений Баркова является ода «Бахус». Она примечательна тем, что в ней нет ни одного грубого, а тем более нецензурного слова или выражения. Видимо, причина такого трепетного отношения к сюжету оды «Бахус» в том, что поэт в произведении писал о своей давней мечте, а не фантазировал на тему извращенных и грубых сексуальных игр.

Вышедший из-под пера Баркова, Бахус принимает любого желающего в свой храм, где и судебный исполнитель вершит свои нечистоплотные дела, «служа и правым, и виновным», и «солдат о службе тут не тужит», а рядом с ним находится «боец кулачный и подъячий».

И вот нетрезвый уже поэт и изрядно захмелевшие приверженцы Бахуса утирают пьяные слезы умиления, ибо:

Источник благостей толиких,
Вдруг составляя брань и мир,
Из малых делаешь великих,
Меняешь с рубищем мундир.

А раз уж дело дошло до традиционного российского гулянья с водкой и закуской, без драки оно никак не обойдется. Барков, и сам известный забияка, пьяница и скандалист, оставить такой поворот дел без внимания никак не мог, и вот было издано его очередное произведение – ода «Кулачному бойцу».

Ценитель и частый участник кулачных драк между посетителями кабаков, Барков ухитрился ярко и красочно передать настроение раззадоренных алкоголем, затмевающим разум, и яростью двух бойцов:

Нашла коса на твердый камень,
Нашел на доку дока тут,
Блестит в глазах их ярость, пламень,
Как оба страшны львы ревут...

Непечатная группа произведений Баркова сделала писателя знаменитым, не давая забвению охватить его творчество. В середине XVIII века россияне с некоторым удивлением, брезгливостью и интересом зачитывались стихотворными сатирами Баркова. Они были тем более интересны людям, поскольку, по мнению Н. И. Новикова, Барков создавал в первую очередь «остроумные и колкие сатиры, написанные прекрасными стихами, на глупости новейших русских поэтов».

Многие «сатирические сочинения» Баркова создают у читателей преувеличенно благодушное настроение за счет ироничных, но не злых мотивов. Например, в оде «Утренняя заря» они, разумеется, непристойны, но не производят неприятного впечатления:

Уже зари багряной путь
Открылся дремлющим денницам.
Зефир прохладный зачал дуть
Под юбки бабам и девицам...
...О утро, преблаженный час!
Дражайше нам златого века.
В тебе природы сладкий глас
Зовет к работе человека.

Очень интересен сборник Баркова, посвященный Белинде: «...тебе, благословенная красавица, рассудил я принести книгу сию, называемую “Девичья игрушка”. В этом произведении автор остроумно и прямым текстом объясняет читателю, что такое эта „игрушка“ и как в нее „играть“. Разумеется, прочитав весьма развратное творение поэта, Белинда была недовольна Барковым.

На что тот ответил: «Ты приняла книгу сию, развернула и, читая первый лист, переменяя свой вид, сердисься. Ты спыльчиво клянешь мою неблагопристойность и называешь юношем дерзновенным. Но вместе с сим усматриваю я, ты смеешься внутренно, тебе любо слышать вождление сердца твоего». Может быть, именно такой реакции автор и ждал от всех своих читателей.

Н. И. Новиков, близко знакомый с творчеством Баркова, определил поэта как человека отважного и язвительного, который написал «множество целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты, к чему веселый его нрав и беспечность много содействовали».

Но не только Новиков в своих мемуарах описывает работы Баркова. Карамзин, например, позволил себе назвать Баркова в своих рукописях русским Скарроном. В принципе, произведения Ивана можно назвать грубой и здоровой порнографией. И это будет самым точным определением, подразумевающим здоровые инстинкты людей и человеческую природу, типичную для того времени.

Однако не только творчество «охальника-поэта» регулярно потрясало мораль и нравственность российского человека XVIII века. Словно бы подтверждая свою скандальную репутацию, Барков даже смерть свою обставил максимальным количеством интригующих несуслазок. Причем существует как минимум три различные версии этой смерти, весьма существенно отличающиеся друг от друга.

Итак, Иван Барков умер в 1768 году. К тому времени он уже ни дня не мог обойтись без алкоголя. Его здоровье сильно ухудшилось, а благосостояние так и не стало хорошим. Точная дата смерти поэта, к сожалению, осталась неизвестной.

Причина этого, видимо, в том, что факт кончины поэта долгое время оставался неподтвержденным, из-за попыток его последователей и подражателей скрыть от общественности изюм всех сил неприглядную кончину своего наставника и вдохновителя.

Согласно самой распространенной версии, поэт, утомленный жизненными неурядицами, покончил собой. Версию самоубийства особенно отстаивали молодые дворяне – однокашники Пушкина. По их свидетельству можно заключить, что грубиян и охальник Иван Барков, решив покончить с собой, затопил камин, закрыл крышку, засунул в камин голову и отравился угарным газом.

Вероятно, причиной столь радикального сведения счетов с жизнью стала депрессия поэта, вызванная избытком в его крови алкоголя, проблемами в личной жизни и очередными неурядицами с издателями и критиками. Что же касается камина, скорее всего, в том состоянии, в котором пребывал Барков, было сложно подыскивать другие способы самоубийства, или же отравление угарным газом показалось ему наиболее быстрым и безболезненным способом покинуть опостылевший мир.

Согласно второй, не менее удивительной и скандальной, версии, Иван Барков перед смертью находился в состоянии длительного запоя. Почувствовав себя нехорошо, он отправился в нужник. Там у него неожиданно начался психический припадок. Потерявший над собой контроль, поэт упал, ударился головой, провалился в нужник и утонул. Что и говорить, очень некрасивая смерть, но более чем вероятная.

Достоверно известно, что на протяжении всей своей жизни Барков частенько злоупотреблял спиртными напитками, и можно справедливо предположить, что в роковой день он отправился в нужник в изрядном подпитии. Между тем санитарно-гигиенические приспособления XXI и XVIII веков сильно отличаются. Если для того, чтобы утонуть в современном унитазе, человеку необходимо приложить очень большие усилия, то провалиться сквозь ненадежный деревянный пол или упасть в дыру обычного примитивного «деревенского домика» просто, достаточно лишь поскользнуться или оступиться, а там все сделает сила земного притяжения. Скорее всего, так и произошло. Пьяный Барков зашел в нужник, неловко повернулся, оступился и упал.

Впрочем, возможно, события развивались и по-другому: Барков зашел в нужник, и у него начался припадок, который затуманил разум, сделал его движения судорожными и плохо контролируемыми. Было бы удивительно, если бы в таком состоянии писатель благополучно выбрался. В лучшем случае он получил бы множество синяков, ссадин, а то и переломов, в худшем же... Одно можно сказать точно, грязная, долгое время скрываемая смерть поэта подарила любителям сплетен великолепную тему для обсуждения.

Третья версия смерти Баркова – не менее компрометирующая, чем предыдущие две. Согласно ей, Барков умер в запущенном и дешевом публичном доме. Смерть его наступила в результате побоев.

Не секрет, что Барков был частым посетителем и игорных, и публичных домов, да и обычные женщины не обделяли его своим вниманием. Стало быть, тот факт, что умер он в публичном доме, совсем не удивителен. Более того, любитель побуйнить и поскандальить, Барков мог с легкостью ввязаться в драку и погибнуть в ней. Так что третья версия смерти Баркова также вероятна, как и две предыдущие, хотя и кардинально отличается от них.

Впрочем, все версии заканчиваются одним – незадолго до смерти Барков написал и оставил на самом видном месте в доме записку следующего содержания:

Жил грешно

И умер смешно:
Голову казнил сам,
А... оставил вам!

Слова записки вроде бы свидетельствуют в пользу первой версии о самоубийстве, хотя возможно, что автором записки был не сам Барков, а один из его подражателей, написавший ее уже после смерти Баркова.

Но так или иначе, достоверно известно только одно: умерший поэт был найден друзьями, и выглядел при этом крайне компрометирующее. Где он был похоронен и при каких обстоятельствах, исследователям выяснить не удалось.

Излишне говорить, что необычные обстоятельства смерти Баркова произвели в обществе фурор. Его друзья и поклонницы изо всех сил опровергали множащиеся нелепые слухи. Враги поэта тем временем злорадно потирали руки и всеми способами препятствовали попыткам установить истину.

Более того, после смерти Баркова некоторые писатели начали ему подражать, приписывая скандально известному поэту авторство своих произведений. Среди них были и весьма знатные господа – такие, как А. В. Олсуфьев, Ф. И. Дмитриев-Мамонов и И. П. Елагин.

Имя Баркова проставлялось на титульных листах сборников срамных стихотворений, лишь несколько из которых действительно были написаны усопшим. Как уже упоминалось выше, известное в наше время произведение «Лука Мудищев» на самом деле было написано отнюдь не самим Барковым, а его подражателем.

«Лука Мудищев» вызывает бурю восторга практически у всех поклонников срамных виршей и даже то, что с подлинным авторством произведения исследователи так и не разобрались, его принято считать одним из самых выдающихся шедевров барковского литературного стиля.

Один из составителей «срамных» сборников, Валерий Сажин высказал предположение, что подобное использование имени и репутации Баркова в совокупности с пародией на его творчество является не чем иным, как проявлением уважения к поэту со стороны его коллег-литераторов.

Эта версия более чем вероятна, поскольку многие писатели XVIII века в свое время неоднократно высказывали свои симпатии к создателю срамных виршей. Вот только у этой монеты была и обратная сторона. Так, например, всю ответственность за разгульную, похабную, мужиковатую, грубую и зачастую издевательскую поэтическую продукцию возлагали на Ивана Баркова, который к ней абсолютно никакого отношения не имел. Видимо, тут был расчет на то, что мертвый поэт возмущаться таким произволом не будет, а следовательно, ему можно приписать что угодно. Такой вот барковский парадокс является важной частью наследия поэта.

В современном мире, где на полях интеллектуальных сражений уверенно властвует наука, дух произведений Баркова не утратил своей первоначальной вызывающей колоритности. Напротив, пройдя сквозь века, не сгинув в бюрократических лабиринтах и препонах коммунизма, он не просто дошел до наших дней, но и расцвел с необыкновенной пышностью. Срамные вирши обросли традициями, вновь обрели своих почитателей и недоброжелателей, стали совершенствоваться охваченными вдохновением подражателями Баркова. Причина такого подъема барковского поэтического стиля в том, что он в чем-то соответствует тем потребностям, которые испытывают к поэзии широкие народные массы, иначе имя Баркова уже давно было бы забыто, как и его произведения.

АНТОН АНТОНОВИЧ ДЕЛЬВИГ. *Трагическая измена*

Было раннее утро, едва начинало светать, но в доме никто не спал. Слуги, стараясь двигаться как можно тише, занавешивали черным полотном зеркала и снимали украшения с елки.

В спальне у кровати сидела молодая женщина. Было видно, что ей пришлось просидеть в кресле всю ночь: она была одета, причесана, и прическа даже не помялась. В открытую дверь комнаты то и дело заглядывали слуги и бросали на женщину неодобрительные взгляды. Но она, не обращая на них никакого внимания, не сводя взгляда с того, кто лежал в постели, облизывая пересохшие губы, тихонько пела песню на стихи, написанные ее мужем:

Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;

Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемычнее меня.

Но муж уже не отвечал ей, и, как бы крепко она ни сжимала его руку, та была холодной: перед рассветом муж умер, оставив ее вдовой.

Вообще с этой песней было связано множество печальных воспоминаний. Дело в том, что поэт написал стихотворение «Соловей» после того, как услышал о ссылке одного из самых близких своих друзей в Бессарабию. Этим другом был А. С. Пушкин.

Вскоре появилась и музыка к этим печальным строкам, от которых веяло такой безнадежностью. Их написал довольно известный в то время композитор А. Алябьев. Музыкант сочинил мелодию, находясь в тюрьме. В жизни он был вспыльчивым человеком, часто выходил из себя и мог наговорить лишнего. Но в этот раз он перешел все границы: во время карточной игры с друзьями ему показалось, что сосед старается подсмотреть его карты. Он не сдержался, начал кричать, завязалась ссора... В гневе Алябьев ударил обидчика по голове тяжелым подсвечником. Мог ли он подумать, что этот удар будет роковым? Молодой человек упал, его лицо было залито кровью. Через пять минут он умер. Алябьева посадили в тюрьму. Он написал свое лучшее произведение, однако раскаянием дела не поправишь и мертвого не воскресишь.

Такова печальная предыстория этого известного романса, который стал своеобразным реквиемом для автора стихов – Антона Дельвига.

В наши дни имя Дельвига почти забыто: Пушкин затмил для нас всех поэтов-современников. Да и в начале XIX века, когда он жил, его творчество было понятно далеко не всем. Однако Дельвиг был талантливым поэтом и забыт незаслуженно.

Об истинной причине смерти Дельвига стало известно не сразу. Официальная причина смерти – воспаление легких. Многие винили в смерти поэта климат: Санкт-Петербург стоит на болотистой местности, зимы здесь холодные, а здоровье у поэта было недостаточно крепкое. Простудился и умер. Знакомые Дельвига говорили: да, всему виной климат, но политический. Дельвигу грозила ссылка. Незадолго до смерти у него состоялся серьезный разговор с одним высокопоставленным чиновником, и поэт, человек очень впечатлительный и с богатым воображением, вполне мог в буквальном смысле этого слова расстроиться до смерти.

Однако истинная причина смерти поэта была другой. О ней поначалу не подозревал никто, не знали даже близкие друзья. Вдова поэта хранила молчание и отказывалась с кем-либо обсуждать обстоятельства смерти мужа. И только спустя некоторое время стала известна правда. Причиной смерти Дельвига стала супружеская измена.

Антон Антонович Дельвиг родился в 1798 году в Москве. Его отец, барон, по происхождению был лифляндцем.

Детство Антона было обычным, он не блистал никакими особыми талантами и не интересовался литературой. Начальное образование он получил в одном из частных пансионов в Москве. После того как мальчику исполнилось 13 лет, он поступил в Царскосельский лицей, где, как известно, учился и Пушкин. Там Дельвиг и Пушкин познакомились, подружились и оставались в прекрасных отношениях на протяжении всей жизни.

В лицее, как и в пансионе, Дельвиг не блистал талантами. Он не проявлял никакого интереса к точным наукам, не владел ни одним иностранным языком. Физическое здоровье Антона Дельвига было не очень крепким, поэтому он не любил шумных игр, уклонялся от физических упражнений.

Свободное время Дельвиг предпочитал проводить в тихом спокойном месте, с книгой в руках. Родители не запрещали ему читать, даже высылали книги, однако мало интересовались их выбором. Таким образом, мальчик читал все, что попадало ему в руки, и через некоторое время стал более сведущ в некоторых вопросах, чем это допускалось для его возраста.

Однако одна необычная особенность у него все же проявилась: он оказался наделен чрезвычайно богатым воображением. Однажды Дельвиг сочинил историю о том, как, будучи маленьким, вместе со своим отцом принимал участие в войне. Точнее, воевал его отец, а сам Антон, как получалось из его слов, всюду сопровождал своего родителя. Мальчик так подробно описывал армию, местность, по которой они двигались, военные события, что у его друзей не возникло никаких сомнений, что он говорил правду. На протяжении нескольких вечеров он «вспоминал» все новые и новые подробности из своего прошлого и ни разу не сбился. Ученикам лицея ничего не оставалось, как поверить ему.

Зачем он придумал эту историю? Наверное, для того, чтобы как-то выделиться среди сверстников, стать знаменитым. И это ему прекрасно удалось – несколько дней весь лицей говорил только о необычайном путешествии Дельвига. Очень скоро об этом стало известно учителям. Наконец, усомнившись в рассказах мальчика, его вызвал к себе директор.

Нимало не смущаясь, Дельвиг повторил свой рассказ и сделал это настолько убедительно, что у директора не возникло ни малейших сомнений в его правдивости, и он отпустил мальчика. И лишь через несколько лет Дельвиг признался своим самым близким друзьям, что вся эта история была выдумкой от первого до последнего слова.

Заметив, что все вокруг пишут стихи, Тося, как его звал Пушкин, тоже попробовал заняться стихосложением. Узнав о том, что ленивец Тося пишет стихи, его поначалу подняли на смех. Пушкин даже посвятил ему двустишие:

Ха-ха-ха, хи-хи-хи!
Дельвиг пишет стихи.

Однако очень скоро стало ясно, что у Дельвига выдающийся талант, и к концу года он завоевал звание второго поэта лицея. Первым, разумеется, был Пушкин.

Но вот время учения окончено.
Шесть лет промчалось как мечтанье,
В объятых сладкой тишины.
И уж Отечества призванье

Гремит нам: шествуйте, сыны!

Это строки из «Прощальной песни воспитанников императорского Царскосельского лицея», написанной Дельвигом, которая стала своеобразным гимном лицеистов. С большинством друзей пришлось расстаться. Однако с некоторыми – В. К. Кюхельбекером, Е. А. Баратынским и, конечно, с А. С. Пушкиным – Дельвиг продолжал поддерживать теплые дружеские отношения.

Свою карьеру Дельвиг начал со службы в Департаменте горных и соляных дел, затем перешел в канцелярию Министерства финансов. Но служба совершенно не увлекала его, он относился к ней довольно равнодушно. Он совершенно не интересовался подсчетом финансов, вместо этого пытался на службе урывать минуты для того, чтобы написать очередное стихотворение.

В лицее ходили легенды о его лени. Известно было и о его равнодушии к учебе. Иногда он совершал удивительные поступки: на одном из скучных уроков он спрятался под партой и проспал там до конца занятий. Также равнодушно он относился и к службе.

Дельвиг прекрасно понимал, что с его репутацией он никогда не сделает удачной карьеры, однако не делал ничего для того, чтобы исправить ситуацию. Более того, он, в полной мере осознавая свои недостатки, откладывал работу в сторону, брал чистый лист бумаги, макал перо в чернильницу и писал:

Я благородности труда
Еще, мой друг, не постигаю.
Лениться, говорят, беда:
А я в беде сей утопаю.

Не дожидаясь отставки, Дельвиг подал прошение о переводе в Публичную библиотеку. В 1821 году оно было удовлетворено.

Новая служба больше отвечала склонностям Дельвига, однако и на сей раз он не проявил достаточного рвения. Он являлся в библиотеку поздно, уходил рано, предпочитая все свое время проводить с друзьями.

В 1819 году Дельвиг вместе с Пушкиным, Кюхельбекером и Баратынским основали Союз поэтов. Друзья видели смысл жизни в том, чтобы полнее наслаждаться всеми радостями жизни. Вскоре у них нашлось немало противников, которые награждали юных поэтов нелестными прозвищами, самым известным из которых было «вакхические поэты». Однако друзья не обращали на это внимание. Они устраивали вечера, на которых читали свои стихи, пили шампанское. Вскоре они заинтересовались политикой, и их забавы стали более дерзкими. Дельвиг, так же как и многие другие в то время, посещал масонские собрания. Однако к политике он относился с таким же равнодушием, как и к службе, предпочитая проводить свободные вечера на литературных собраниях, которых в то время было немало.

Особенно часто Дельвиг посещал литературный салон Софьи Пономарёвой. Впервые попав туда из-за любви к литературе, он очень быстро влюбился в хозяйку салона, которая к тому времени уже разбила немало мужских сердец.

Софья Дмитриевна Пономарёва действительно была неординарной женщиной, и не было ничего удивительного в том, что она с легкостью кружила головы мужчинам. Она была замужем за статс-секретарем канцелярии по принятию прошений Акимом Ивановичем Пономарёвым. Молодая женщина была неплохо образована, знала четыре языка, а также прекрасно говорила и писала по-русски, что в то время было редкостью. Кроме того, она интересовалась литературой и открыла в Санкт-Петербурге салон под названием «Литературное Собрание». Там она принимала самых знаменитых в то время поэтов и писателей, которых развлекала

игрой на фортепиано, пением и декламацией стихов. На ее вечерах царила веселая и оживленная атмосфера. Их посещали поэты Е. А. Измайлов, О. М. Сомов, И. А. Крылов, Н. И. Греч, П. А. Катенин, братья Княжевичи, А. В. Поджио и др.

Измайлов, редактор журнала «Благонамеренный», поместил в одном из номеров описание этих литературных вечеров: «В Петербурге с нынешней зимы завелись в некоторых домах литературные собрания. В положенный день на неделе сходятся там пять–десять человек известных литераторов и молодых людей, желающих только сделаться известными, пьют чай, разговаривают о материях, словесности, наук и художеств касающихся, сообщают друг другу свои замечания, наблюдения, открытия, обсуживают вместе и общими силами важные предметы, сходятся и расходятся, чтобы завтра продолжить начатое. Польза таких собраний очевидна и желательна, чтоб они более входили в обыкновение...»

Посетив салон Пономарёвой, Дельвиг стал бывать в нем регулярно. Влюбившись в хозяйку, он, как и многие другие, посвятил ей несколько стихотворений. Однако она не отвечала на его чувства, как, впрочем, и на ухаживания многих других поклонников. Ей доставляло удовольствие разбивать их сердца.

К тому времени Дельвиг уже добился всеобщего признания как поэт. Кстати, он первым из всех своих друзей начал публиковать свои произведения и прославился. Впервые его стихи были опубликованы в 1814 году в популярном журнале «Вестник Европы». Кстати, решение о публикации было принято Владимиром Измайловым, который впоследствии стал соперником Дельвига в салоне Пономарёвой.

Отсылая стихи в журнал, Дельвиг не подписал их, и они были опубликованы анонимно. Впоследствии Пушкин, составляя воспоминания о своем друге, по поводу этого случая писал, что стихи «привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носившие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима...». Самому автору на момент публикации стихов было всего лишь 16 лет, и он еще продолжал учиться в лицее.

После окончания лицея Дельвиг продолжал писать стихи и публиковал их уже под собственным именем. Кстати, именно Дельвиг впервые отнес в издательство стихи Пушкина и косвенно способствовал той славе, которая впоследствии окружала поэта.

Таким образом, в салон Пономарёвой Пушкин и его друзья попали уже признанными в Санкт-Петербурге поэтами, к их мнению прислушивались, их ценили, ими восхищались.

Но, несмотря на это, никому из них, в том числе и Дельвигу, не удалось добиться взаимности от Пономарёвой, для которой не существовало никого, кроме молодого и довольно посредственного, по всеобщему признанию, поэта Владимира Панаева.

Дельвиг же влюбился не на шутку. Он все чаще посещал салон своей музы и наконец стал бывать на каждом литературном собрании. Заметив, что молодая женщина не обращает на него никакого внимания, он только вздыхал, сидя в углу, или, выбрав момент, когда она не была окружена поклонниками, протягивал ей свой альбом, чтобы она написала ему что-нибудь на память. Пономарёва не отказывалась, брала перо и, подняв глаза к потолку и на секунду задумавшись, легко и быстро, ровным мелким и изящным почерком писала короткий стишок. Молодая женщина, кроме прочих талантов, обладала и этим – писала неплохие стихи.

Наконец Дельвигу надоела роль обожателя. Ведь он мужчина, и к тому же известный поэт, черт возьми! А она водит его за нос и смеется над ним, как над мальчишкой! Вдохновение Дельвига иссякло, он стал пристальнее оглядываться по сторонам в поисках более достойного предмета воздыханий. Именно в это время произошла встреча с его будущей супругой, Софьей Михайловной Салтыковой. Девушка была красива, весела, как и Пономарёва, интересовалась литературой, а также знаменитым поэтом Дельвигом.

Он начал общаться с ней, приезжал в гости, писал письма, когда не был занят. И вот в июне 1825 года Дельвиг послал своим родителям такое письмо: «Благословите вашего сына на

величайшую перемену его жизни. Я люблю и любим девушкой, достойною назваться вашей дочерью: Софьей Михайловной Салтыковой. Вам известно, я обязан знакомством с нею милой сестрице Анне Александровне, которая знает ее с ее раннего детства. Плетнёв, друг мой, был участником ее воспитания. С первого взгляда я уже ее выбрал и тем более боялся не быть любимым. Но, живши с нею в Царском Селе у брата Николая, уверился, к счастью моему, в ее расположении. Анна Александровна третьего дни приезжала с братом в Петербург и, услышав от Софьи Михайловны, что отец ее Михайла Александрович говорит обо мне с похвалою, решилась открыть ему мои намерения. Он принял предложения мои и вчера позволил поцеловать у ней ручку и просить вашего благословения. Но просил меня еще никому не говорить об этом и отложить свадьбу нашу до осени, чтобы успеть привести в порядок свои дела. Он дает за нею 80-ть тысяч чистыми деньгами и завещает сто тридцать душ. Вы, конечно, заключите, что богатство ее небольшое, зато она богата душою и образованием, и я же ободрен прекрасным примером счастливого супружества вашего и тетушки Кристины Антоновны...»

Это письмо невольно наводит на размышления. Влюбленный, по его словам, Дельвиг не посвящал своей невесте стихов. Лишь намного позже, незадолго перед смертью, он посвятил ей одно стихотворение, начинавшееся словами: «За что, за что ты отравила...». Действительно ли он так сильно любил свою избранницу или же им двигало стремление обзавестись семьей, надежда, что молодая жена будет заботиться о нем?

К тому же не совсем ясно, почему Дельвиг так пренебрежительно отзывается о приданом девушки. Ведь сам он не имел ни одной души и жил только на жалование, которое получал в библиотеке, а также на гонорары от стихов.

Однако поняв, что на жалование библиотекаря, которого еле-еле хватало ему одному, не удастся жить с молодой женой, Дельвиг добавляет в письме к родителям: «Между тем я ищу себе места, которое бы могло приносить мне столько, чтобы мы ни в чем не нуждались». Но это лишь слова: как известно, поэт не был способен всего себя посвящать службе, да и не стремился к этому. Он не интересовался ничем, кроме литературы.

1825 год стал для Дельвига очень бурным, полным самых разных впечатлений. Из-за нерадивого отношения к службе в Публичной библиотеке, где он все еще числился, Дельвиг был вынужден подать в отставку. Впоследствии он служил в разных ведомствах, но нигде не сделал карьеры.

В этом же году произошло восстание декабристов. Несмотря на свое равнодушие к политике и тайным обществам, Дельвиг неожиданно проявил большой интерес к судьбе декабристов. Он лично был знаком с некоторыми из них, присутствовал на публичной казни пятерых заговорщиков.

Еще одно важное событие произошло в жизни Дельвига в 1825 году – его женитьба на С. М. Салтыковой. Свадьба состоялась осенью.

Писать стихи Дельвиг не переставал. Он завоевал известность как автор романсов, эгидий и посланий, кроме того, писал прекрасные сонеты. Исследователи творчества Дельвига называют его новатором в идиллии. В этих произведениях он описывал идеальный мир, полный гармонии, и чистые отношения. К идиллиям относят его произведения «Купальницы», «Изобретение ваяния». Однако в «Конце золотого века» – одной из более поздних идиллий, написанной в 1829 году, – поэт показал крушение этого идеального мира. Вообще, в его стихах преобладала тема разлуки, несчастной любви, измены. Причина этого была, вероятно, в самом складе характера поэта. Но и семейная жизнь, которая поначалу казалась безоблачной, очень скоро разочаровала поэта.

Поначалу девятнадцатилетняя жена Софья восхищалась своим мужем, называла его очень умным, добрым, скромным. Очень скоро она завела литературные вечера. Главный салон Санкт-Петербурга, в котором некогда царила Пономарёва, уже не существовал – его хозяйка скоропостижно скончалась. На смену ей пришли другие, которые стремились копировать ее

образ жизни. Не была исключением и молодая баронесса Дельвиг. А сам Дельвиг неожиданно оказался в том же положении, что и муж Пономарёвой в свое время. Софья Михайловна была окружена поклонниками, которые восхищались ею, посвящали ей стихи. Она стала уделять мужу все меньше времени, перестала находить его добрым и интересным.

Поначалу Дельвиг относился к этому спокойно. На вечерах присутствовали его друзья, жена исполняла романсы на его стихи, в том числе знаменитого «Соловья». Но со временем отношения между супругами становились все более прохладными.

Дельвиг с головой окунулся в литературную деятельность, которую забросил из-за приготовления к свадьбе. С 1825 года он начал издавать альманах «Северные цветы». Забыв о своей природной лени, он с неожиданным упорством взялся за работу над журналом, проявлял незаурядные организаторские способности, писал критические очерки о современной литературе, привлекал для работы в журнале молодых и малоизвестных, но талантливых авторов. И, разумеется, он стремился публиковать произведения своих друзей, в том числе Пушкина и Кюхельбекера, невзирая на то, что его друзья находились в то время в опале.

Несмотря на занятость, Дельвиг следил за тем, что происходит в мире литературы не только в России, но и за границей, успевал читать стихи и прозу, интересовался переводными изданиями и даже сам занимался переводами.

Выше упоминалось о том, что Дельвиг не отличался усердием в учебе и не освоил ни одного иностранного языка. Однако, будучи немцем по происхождению, немецкий он знал в совершенстве, на память цитировал в оригинале Шиллера и других авторов. Он беспокоился об отсутствии переводов многих всемирно известных литературных произведений и стремился привлечь молодых авторов для того, чтобы они исправили это.

Так, в 1826 году он писал М. П. Погодину: «...Вы мне давно знакомы и не по одним ученым, истинно критическим историческим трудам; но и как поэта я знаю и люблю вас, хотя, к сожалению, читал только один отрывок – перевод первой сцены трагедии: “Двадцать четвертое августа”. Ежели вы не продолжаете переводить ее, искренно жалею. Мы теряем надежду читать эту трагедию в русском верном и прекрасном съемке. Позвольте мне начать приятнейшее с вами знакомство просьбою. Не подарите ли вы в собрание “Цветов” моих один или два ваших цветков. Вы ими украсите мое издание и доставите мне приятный случай прибавить благодарность к почтению и любви к вам и вашему таланту, с которыми имею честь быть, милостивый государь, вашим покорным слугой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.